

Ю. А. Асоян

Организованное упрощение культуры? Понятие и идеологема культурности в Советской России 1920-х годов

В статье на основе анализа базовых тематизмов культуры в раннем советском общественно-политическом дискурсе, публицистике, а также массовом обиходе рассматривается процесс формирования категории «культурность» и доминанты в понимании культурности как идеологической и прагматической конструкции.

ключевые слова: Советская Россия 1920-х, образы культурности, революционная культура, трудовая культура, бытовая культура, политическая культура.

Я всегда симпатизировал центральным убеждениям. Даже вот когда в эпоху военного коммунизма нэп вводили, я не протестовал. Нэп так нэп. Вам видней. Но, между прочим, при введении нэпа сердце у меня отчаянно сжималось. Я как бы предчувствовал некоторые резкие перемены. И действительно, при военном коммунизме куда как было свободно в отношении культуры и цивилизации...

М. Зощенко. Прелести культуры.

«Организованное упрощение культуры» — так называлась одна из статей, написанная в начале 1920-х [Левидов]. К этому названию мы добавили вопросительный знак. И вовсе не из желания спорить с М. Ю. Левидовым. Высказанный им тезис о возможности методичного, технически организованного, и даже *изоцрненного, упрощения* культуры, кажется, не потерял актуальность. Организованное упрощение культуры, можно сказать, продолжает работать и даже, возможно, набирает обороты. Но не потому ли однозначно судить об «упрощениях культуры» 1920-х гг. становится труднее? Нам хотелось, чтобы свой вывод на этот счет сделал читатель статьи, мы же лишь, по возможности непредвзято,

выскажем несколько тезисов, касающихся бытования понятий *культура* и *культурность* после революции. Для нас, впрочем, будут важны не только сами тезисы, но и обнаруживающие тенденции примеры, факты, которые для исследователя понятий больше выглядят как *симптоматичные употребления слов*. Поэтому читателю придется набраться некоторого терпения — в тексте его ожидают частые и едва ли не назойливые цитаты, иные из них, возможно, кому-то даже хорошо знакомы, если только не успели забыться. Эти цитаты, нередко содержащие банальные примитивные повторения, довольно увеличили объем статьи — можно было высказаться и короче. Но мы не можем обойтись без этих «употреблений слов», поскольку в них-то и сосредоточились все ароматы и миазмы эпохи...

Как и когда понятия *культура* и *культурность* стали в России предметом массового обихода? Произошло ли это где-то еще в конце XIX — начале XX в. или случилось позже? Конечно, ответ на этот вопрос невозможен без обращения к вполне конкретным социальным средам — он предполагает изучение языка и «лексикона культуры» разных слоев русского общества. Но не только в разных общественных средах, в среде чиновничества и интеллигенции, городских обывателей и крестьян, но и в разных сферах знания, в языках экономики и политики, истории и этнографии, в образовательных и идейных платформах, в практических рекомендациях, направленных на переустройство быта, понятия о культуре и культурности каждый раз утверждались по-своему.

Выделяются области, которые более открыты или, напротив, достаточно инертны к внедрению в обиход *культурного лексикона*. В России последней трети XIX в. понятием *культура* активно пользовалась философско-историческая мысль, но многие другие области, которые, как может показаться нам теперь, должны были быть куда более открыты и восприимчивы к «языку культуры» — понятие культуры почти не используют. Заслуживает удивления, насколько поздно, например, терминология культуры входит в обиход русской этнографии. С другой стороны, ряд областей повседневной и экономической жизни в отношении новых требований «культурности» и «цивилизованности» были даже более восприимчивы и открыты. Так, одним из инструментов активного внедрения «в массу» норм (и самого понятия) *культурности* становится в России конца XIX — начала XX в. экономическая

категория «культурного хозяина» и «хозяйствования», практик администрирования.

И все-таки, повторим вопрос: как и когда понятия *культура* и *культурность* могли стать — и стали — предметом поистине *массового обихода*? Как и когда они приобрели повсеместное распространение и «завоевали», если можно так выразиться, самые широкие слои населения? Тезис нашей статьи, подтверждаемый как рядом заключений исследователей, так и собственными наблюдениями, состоит в том, что активное, по-настоящему широкое, массовое использование этого слова, началось уже *после революции* — причем не сразу, не в начале, а скорее в середине — второй половине 1920-х гг. Формирование образцов культурности, активно использующих для своего самоописания именно это слово, прямо коррелирует с агитпропом культурной революции, хотя предпосылки закладывались раньше: в начале — середине 1920-х.

Это не следует понимать так, будто употребление слов «культура» и «культурность» как-то специально приурочено к 1920 гг. Слово «культура» было достаточно употребляемым в первые два десятилетия XX в., с самого его начала; и русская социал-демократия одной из первых (еще в конце XIX столетия) стала производить на основе этого понятия довольно значимые идейные конструкты, отличавшие ее культурный лексикон от любых других социально-политических проектов. Вспомним споры о национально-культурной автономии, теорию *пролеткульты* и т. д. Тем не менее, *культурность* как совокупность практических требований, трансформирующих установки, нормы и идеалы в набор конкретных правил — не использовалась прежде так, как она была задействована в советском строительстве, а массовый всплеск моделирования новых «образцов культурности» пришелся на 1920-е гг.

Вообще говоря, в русском языке слово *культурность* — довольно позднего происхождения. Оно появилось позднее существительного *культура* или даже прилагательного *культурный*. Как отмечал академик В. В. Виноградов, слова, в образовании которых участвует «суффикс отвлеченности» «-ость» (*образованность*, *бездарность* и другие, характеризующие, как правило, свойства человека), представляют собой абстрактные качественные существительные, произведенные от прилагательных. Появление большой группы таких слов относится еще к 30–40-м гг. XIX столетия; именно тогда в русском языке формируется класс

абстрактных качественных существительных («общественность» и пр.) [Виноградов]. Культурность относится к этой категории слов, однако образовалось позже — во второй половине XIX в. Широкое распространение это понятие получило еще позднее.

Чтобы заострить вопрос о значимости не только понятия, но и *идеологемы культурности* в жизни Советской России уместно будет привести оценку, относящуюся к периоду Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Она тем более интересна, что представляет «взгляд извне». Без малого два десятка лет назад в Приложении к «Независимой газете» был опубликован интересный текст — перевод немецкой «Инструкции (памятки) по обращению с русским гражданским населением и солдатами из восточных добровольческих частей» [*Будь строгим*]. Оригинал документа хранится в РГАСПИ. Конкретный источник (или отдел) в вермахте в публикации не указан. Инструкция датирована 1943 годом, и, судя по краткому комментарию публикатора, историка Г. Бордюгова, документ может относиться ко второй половине 1943 г.

Инструкция распространялась в частях вермахта, дислоцированных на Восточном фронте. Ее текст содержит немало любопытных констатаций. Но первым (!) стоит положение, обращающее на себя особое внимание. Оно гласит:

Никогда не упрекай русского в том, что он некультурен! Большевики в понятии «некультурный» воплотили все отрицательные стороны поведения человека. Пьянство, неопрятность, лень, нетактичное поведение, привычка проклинать ложь, отсутствие сдерживающего начала — все это считалось некультурным. Это понятие русскому вдалбливали в голову в течение 25 лет, и оно до сих пор сохранилось в нем. Поэтому помни всегда о том, что если ты упрекнешь русского в том, что он некультурен, ты нанесешь ему тяжкое оскорбление, которое он тебе никогда не простит [*Будь строгим*, 12].

Характерно, что и последний девятнадцатый пункт инструкции, возвращая к началу, вновь настойчиво требует от немецкого солдата: «В отношении русских держи себя всегда таким образом (это ведь основное) как это принято при общении с культурными людьми»... Итак, «никогда не называй русского некультурным»! Стоит отметить, что этому требованию (вкуче с остальными) анонимный составитель памятки придает едва ли не военно-стратегическую значимость:

Помни, что каждый русский, которого ты своим неправильным поведением сделаешь врагом, может любыми способами нанести ущерб нашему делу... Новый враг — это пролитая немецкая кровь! Разве ты хочешь быть виновиком этого? (курсив наш. — Ю. А.) [Будь строгим, 12].

Некоторые места этого текста демонстрируют элементы вполне узнаваемой идейной конструкции — конструирования России вообще и советской в особенности как (несмотря на культурную претензию «Советов») весьма отсталого и враждебного мира: приведенный документ в первую очередь нуждается в рассмотрении его именно в этом качестве — как более или менее последовательная артикуляция приведенной выше установки. Но надо отметить и другое: анонимные составители «Памятки» были, кажется, не так уж далеки от истины, когда утверждали высокую степень «чувствительности» населения советской страны к эпитету *некультурный* и связывали данную чувствительность с двадцатипятилетним периодом советского переустройства. Вот почему, признавая за приведенной выше констатацией фактическую значимость, попробуем сформулировать некоторые положения о понятиях «культура» и «культурность» в Советской России, сделав акцент на тех семантических сдвигах, которые эти понятия претерпели в разные периоды советских 1920-х гг.

У будущего историка культуры «дооктябрьский» будет звучать также тяжело, как у нас «средневековый»

Стоило бы подсчитать, какое количество статей и брошюр, в названии которых стоит сочетание «Революция и культура», вышло непосредственно до, а также сразу после Октября, какое число появилось в начале 1920-х гг. Сама эта тема («революция и культура») возникла, по меньшей мере, за десятилетие до Октября. В русской интеллектуальной истории ее появление было связано с осмыслением первой русской революции 1905–1907 гг., она стала одним из значимых сюжетов русской философской и социально-политической мысли начала века (можно отметить ее присутствие в вышедшем в 1909 г. сборнике «Вехи»). Известная статья, в названии которой стоит «Революция и культура», принадлежит А. Блоку. Статья с идентичным названием есть у А. Белого. После революции обсуждение данной темы претерпело изменения — она не стала меньше занимать умы русской интеллигенции, но тональность обсуждения изменилась.

Внимание к теме «революция и культура» проявляет уже не только «дореволюционная» интеллигенция, но и большевистская партийная печать, в которой *эта тема только теперь и появляется* (прежде она вообще не была для нее актуальной, ее возникновение было связано с необходимостью дать оценку свершившимся переменам). Тематизмы культуры в раннем советском общественно-политическом дискурсе и публицистике (1920-х гг.) имеют ряд особенностей, в том числе и распределяемых хронологически. Рассуждения на темы культуры в первые пореволюционные годы отличаются довольно отвлеченным характером и идейным теоретизмом. Они сфокусированы на соотношениях культуры и революции (революция — как «тончайшее произведение западной культуры»), империалистической войны и революции. Тема культуры локализована в теориях «*пролетарской*», «*трудовой*» и «*революционной культуры*».

Любопытно, что довольно абстрактный характер самых первых рассуждений о революции и культуре ничуть не препятствует регулярно сообщать им форму, близкую поэтической (ведь поэзия, как заметил когда-то в своей «Поэтике» Аристотель, *философичнее истории*). В этом смысле ярким примером служит статья М. А. Рейснера «Старое и новое», имеющая форму «писем о культуре» (1919). Этот текст уже попадал в поле внимания исследователей. Ш. Плаггенборг отмечает, например, что в описании революции у М. А. Рейснера неизменно преобладает метафорика «простой механики». Революция описывается в терминах «парового котла», «взрыва», она призвана дать выход «сдавленным и накопленным энергиям»

Мы теперь хорошо знаем, что такое революция, — пишет Рейснер. — *Ее механика до крайности проста*. Пример? Взрыв любого парового котла. Безмерное нарастание сил, не находящих выхода. В результате колоссальное давление. И... взрыв, который разносит вдребезги негодную машину и расточает в пространство полезные силы (курсив наш. — Ю. А.) [Рейснер, 281].

Смещение взгляда с «революции» на «культуру» влечет за собой и изменение метафорики: *социальная физика*, как остроумно отметил Ш. Плаггенборг, уступает место *политической ботанике* [Плаггенборг, 43]. Говорится о «семенах», «ростках» новой культуры («полураскрывшиеся почки, полузадушенные ростки», «прорастающий ствол»). «Дряхлые формы» старой культуры описываются в терминах болезни («горячее тело», «сыпь», «опухоль»).

Вместе с тем, нередко возникает ощущение, что автор «Старого и нового» сознательно играет органицистской и механицистской метафорикой. Ничто не мешает ему уподобить созидание новой культуры сооружению здания. Отжившие формы старой жизни, и в особенности «контрреволюционный элемент», легко предстают в виде органоподобных явлений — «плесени» и «грызунов», разрушающих «фундаменты новой постройки»:

Вылезли окаянные из всех щелей и трещин. Долго выжидали в подполье... <...> А теперь появились на свет... хорьковые... морды. <...> Проедают ходы в советском фундаменте [*Рейснер*, 282].

Примером довольно отвлеченного характера проблематики культуры на первых порах является доминирование в ней самых общих идейных споров о революции и пролетариате. В 1923 г. в статье «Литература и революция» («литература» здесь выступает в роли понятия, замещающего «культуру», поэтому тема статьи та же — культура и революция) Троцкий пишет:

Октябрь совершенно всерьез показался большинству сторонников до-октябрьской культуры *нашествием гуннов*, от которых нужно уходить в катакомбы с так называемыми светильниками знания и веры [*Троцкий* 1989, 337].

Тезис о «некультурности Революции» Троцкий отбрасывает едва ли не самым действенным способом — приписывая революции максимальный культурный масштаб: он говорит о трех всеобъемлющих категориях литературы и культуры — до-октябрьская, отябрьская и вне-октябрьская.

До-октябрьский [период] — это у будущего историка культуры будет звучать также тяжело, как у нас средневековый [*Троцкий* 1989, 337].

Революция — кардинальный водораздел. «Граница, рубеж, великая историческая межа» (Н. И. Бухарин), переход через которую меняет пролетарское отношение к тем или иным «предметам культуры» на прямо противоположное. Разница между положением пролетариата в буржуазном обществе, где он — разрушитель, и при диктатуре пролетариата, где перед ним встает задача строительного порядка, рассуждает в одной из статей Н. И. Бухарин (идентичные соображения встречаются достаточно регулярно и в этом смысле они типические), — принципиальная.

Возьмем педагогику. Марксисты отлично понимали ее роль в механизме капиталистического общества — закрепление. Эта роль входит в противоречие с классовыми задачами пролетариата на разрушение [Бухарин 1927, 18–19].

Приход пролетариата к власти отменяет прежнее отношение к педагогике. Если раньше марксист видел в ней механизм социального закрепления, то сейчас должен рассматривать ее как созидательную и творческую.

Оценки и мнения о разрушительном характере революции отменяются на том основании, что *всякая новая культура неизбежно будет представляться уходящим режимам, правящим классам и их идеологам дикостью и варварством*. Культура сближается с идеологией и это сближение, по-своему продуктивное и значимое, может служить напоминанием о своеобразном характере самой общей постановки проблемы культуры в марксизме. Культура, истолкованная как идеология, рассматривалась значительной частью русского образованного общества как упрощенчество, вызвавшее к жизни тезис о пресловутой *«некультурности марксизма»*. Речь шла о его принципиальной неспособности не только *решать*, но и видеть, ставить *«задачи культурной жизни»*. Это представление, имевшее хождение в русском образованном обществе еще до революции, в революцию необыкновенно усилилось. В 1918 г. Розанов довольно хлестко напишет:

Маркс был исключительно экономический человек, и в культуре просто ничего не понимал. Он был гениален экономически, но культурно туп [Розанов, 158–159].

Однако для новой власти гораздо более чувствительный характер имели *упреки в некультурности*, звучавшие не в отношении марксизма вообще, а в отношении большевизма как его русской разновидности. Это были обвинения, адресованные не Марксу и социал-демократии, а Ленину и большевикам. Постоянными оппонентами большевизма были тут, кроме всего прочего, австрийские и немецкие марксисты — социал-демократы К. Каутский, О. Бауэр, а также *«внутренние оппортунисты»* — А. А. Богданов [Богданов 1918], В. А. Базаров [Базаров]. Как и первые, они подчеркивали, что большевизм в своей политике *«не соотносится с развитием материально-технической базы»*, необходимой для утверждения социализма и отсутствующей в такой отсталой

стране, как Россия. Звучавшая в этой связи тема некомпетентности, мировоззренческой ограниченности и волюнтаризма большевиков, взявшихся за переустройство страны в опоре не на более развитую массу рабочих, а на «солдатчину», затрагивало, судя по реакции, чувствительные струны.

**«...Большая удача, что власть захватила
такая культурная партия...»**

Одним из тех, кто в 1917 г. говорил о проявившейся в революции *некультурности большевизма* был А. А. Богданов, писавший о склонности большевиков к «солдатчине» вообще и «рабоче-солдатском» характере Октябрьского переворота в частности.

Партия стала рабоче-солдатской: и поразительно до какой степени преобразовался большевизм. Он усвоил логику казармы, все ее методы, всю ее специфику, культуру и ее идеал [Богданов 2001, 67].

Примечательно, что Богданов говорит обо всем этом в письме к Луначарскому в 1918 г. Но сам А. В. Луначарский, по крайней мере, по воспоминаниям Н. П. Анцыферова, высказывается прямо противоположным образом. На съезде по реформе высшей школы в самом начале 1920-х гг. он с трибуны съезда провозгласил:

Это большая удача для русского народа, что после социальной революции власть захватила такая культурная партия как большевики [Анцыферов, 407].

«*Культурная партия*» — конечно, это был ответ на упрек в некультурности большевизма. Камнем преткновения в спорах стал вопрос об отсталости и неразвитости (своеобразной некультурности) русского пролетариата. «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство, — писал Плеханов. — А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный (т. е. культурный. — Ю. А.) социалист» (курсив наш. — Ю. А.) [Плеханов]. Тема слабости русского пролетариата была заострена в критике, исходившей от немецких и австрийских социал-демократов. О. Бауэр писал, что в России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить свое господство только временно. Он должен неизбежно вновь потерять его,

как только крестьянская масса нации делается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки.

«Культурная несамостоятельность пролетариата, — писал А. А. Богданов в “Вопросах социализма” в 1918 г., — есть факт основной и несомненный, который надо честно признать и из которого надо исходить в программе ближайшего будущего» (курсив наш. — Ю. А.) [Богданов 1918]. На всем протяжении 1920-х гг. деятели и теоретики ВКП(б) обращались к критике теории о культурной незрелости пролетариата. Для иных обращение к этой теме было сопряжено с острой необходимостью дистанцироваться от этих воззрений собственные взгляды, оказавшиеся в какой-то момент в опасной близости к теории Богданова, что могло вызвать подозрение в оппортунизме. «В рамках капиталистического строя, — цитирует в 1926 г. свою раннюю статью Н. И. Бухарин, — пролетариат создает гениальнейшие намеки грядущей культуры... но в этих рамках он, культурно угнетенный класс, не может развить их настолько, чтобы подготовить себя к организации всего общества» (курсив наш. — Ю. А.) [Бухарин 1988, 287].

Далее Н. И. Бухарин продолжает, что стремясь зафиксировать всю степень отличия своих прежних взглядов от «богдановской теории культурной незрелости пролетариата» — «рабочий класс “вызревает” в этих качествах, в период своей диктатуры и потому ему вовсе нет необходимости дожидаться... культурной зрелости». «Теория Богданова-Базарова неверна, следовательно и потому, — пишет он, — что она предъявляет слишком большие требования для захвата власти, она не понимает значения переходного периода как периода культурного вызревания пролетариата» (курсив наш. — Ю. А.) [Бухарин 1988, 287 и сл.].

Аргумент о некультурности рабочего гласит: дай Бог нам по следам немецких оппортунистов, поддерживать государственно-капиталистические организации. На десятилетия, а то и на целые столетия, пролетариату придется довольствоваться остроумным занятием: поддерживать капиталистический строй в его самом концентрированном виде [Бухарин 1988, 286].

Отголоски темы, связанные со стремлением дать отпор «ходячим», распространенным ссылкам на некультурность (партии, революции, русского пролетариата) сопровождали выступления лидеров ВКП(б) на протяжении всех 1920-х гг., вплоть до периода культурной революции. В докладе «Ленинизм и проблема куль-

турной революции», прочитанном в начале 1928 г., Н. И. Бухарин говорил с трибуны:

Вся социал-демократия утверждает, что мы, большевики, взялись за утопическое дело построения социализма, предполагающего большую культурность масс, и поэтому все наши «затеи» заранее обречены на неизбежный крах... <...> Характерным является тот факт, что довод об отсталости, о некультурности приводится не только против нас, большевиков СССР, когда наша революция делает один успех за другим... ..этот же довод приводился... противниками рабочего... движения вообще... ..что не может осуществить ничего хорошего класс некультурный... [отсталый] (курсив наш. — Ю. А.) [Бухарин 1988, 369].

«Истошными голосами кликуш вопят... — пишет Бухарин, — что большевизм несет с собой “гибель всей цивилизации и культуры”» [Бухарин 1988, 369]. Он приводит имена и суждения тех, кто видел в коммунизме «угрозу цивилизации». В их числе оказывается и «друг Маркса — Гейне, опасавшийся, что встав у власти, мрачные иконоборцы» (коммунисты. — Ю. А.) разобьют дорогие его сердцу «статуи красоты». Ряд продолжает «впоследствии ставший членом нашей партии» В. Брюсов, адресовавший в 1904 г. «нам и нашему классу приветственный гимн», но в образе «грядущих гуннов».

Все эти настроения были чрезвычайно характерны... и для лучших голов буржуазно-капиталистического мира, даже для тех, которые... пытались выпрыгнуть из сетки буржуазно-капиталистической идеологии. ...Даже они видели в рабочем классе новых «гуннов», которые... отдадут на слом все великолепные создания человеческого гения... [Бухарин 1988, 371].

«Оказалось же, — пишет Н. И. Бухарин далее, — что цивилизацию и культуру, все завоевания ее и ценности, которые напластовались в течение веков... ставят под топор не мрачные коммунистические “иконаборцы”, не гунноподобные воители коммунистического рабочего движения... а “блестящие” и “великолепные” лейтенанты и генералы империалистских армий... лощеные дипломатические деятели христианнейших государств» [Бухарин 1988, 372]. «Выяснилось и другое. ...После периода временной разрухи мрачные “коммунистические иконаборцы” не только спасают все ценное, что остается от старого, но самым быстрым образом, быстрее, чем кто-либо, ведут огромную

человеческую массу *вперед по культурной дороге*, создают великое массовое культурное движение, перепахивают трактором культуры вдоль и поперек огромную страну...» ([Бухарин 1988, 373], курсив здесь принадлежит Н. И. Бухарину. — Ю. А.). «Трактор культуры» — довольно расхожее, хотя и впоследствии забытое — выражение 1920-х.

«В рабочем обществе должна быть рабочая культура»

«Маркс был исключительно экономический человек, и в культуре просто ничего не понимал. Он был гениален экономически, но культурно туп», — пишет Василий Розанов (курсив наш. — Ю. А.) [Розанов, 158–159]. Характерно, что под культурой Розанов понимает категорию внеэкономическую. Несмотря на присущий ему самому интерес к телесности он также понимает под культурой категорию нематериальную, а напротив — всецело духовную. Такое толкование в начале XX в. и сразу после революции разделяли многие из идейных критиков марксизма (например, Л. П. Карсавин). Марксизм регулярно истолковывается как учение грубо материалистическое, отличительной особенностью которого (в ряду прочих материализмов) является «упрощенный экономизм», или экономический детерминизм.

В отличие от Розанова, судившего о марксизме «извне», С. Булгаков, например, имел возможность говорить о «культурном содержании» марксизма, опираясь на знакомство с ним «изнутри». В работе «Карл Маркс как религиозный тип» он отмечал, что у Маркса понятие культуры сближается с «эмансипацией» [Булгаков 1993а, 262, 263]. Тем не менее, и для него марксизм представляет собой в основном конструкцию «упрощенного экономизма». По Булгакову, ключевое соображение марксизма состоит в том, что «хозяйству принадлежит определяющая роль... что вся культура имеет хозяйственную природу... <...> ...Эта мысль глубока и значительна... — пишет Булгаков. — Однако, натолкнувшись здесь на столь важную тему (стремление понять мир как хозяйство — Ю. А.), экономический материализм сбивается с правильного пути...» (курсив наш. — Ю. А.) [Булгаков 1993а, 286–290].

Замечено, что деление культуры на *материальную* и *духовную*, с приоритетом, отдаваемым (попеременно) той или другой сфере, — одна из особенностей русской рубрикации культуры. Для немецкоязычной литературы конца XIX — начала XX в. было характерно деление культуры на *духовную*, *материальную* и *социальную*

(ценности культуры имеют социальную природу). Характерно, что некоторые русские авторы, ученые и педагоги начала XX в., особенно те из них, кому была свойственна ориентация на немецкий «понятийный стандарт», придерживались именно этой тройственной схемы. Так, Ф. Ф. Зелинский в преамбуле своего новаторского учебника по истории античной культуры (1908) высказывается в поддержку именно такого общего деления культуры.

Понятие «социальной культуры» марксистско-ленинский подход не только не исключал, но и активно развивал, выдвинув ряд соответствующих категорий и понятий. Понятие о культуре класса и классовой культуре, в сравнении с общей категорией «социальной культуры» более узкое и идеологизированное, на рубеже XX столетия заняло ключевое место. Тезис о классовой природе культуры получил известное ленинское обоснование еще до революции и составил в дальнейшем идейную основу Пролеткульта, радикализм которого самому же Ленину пришлось «укрощать». Драматический момент состоит в том, что категория классовости и *классовой культуры* очень скоро стала не просто элементом культурной теории (как это было, например, в Пролеткульте), не только стержнем упрощенного социологического подхода к явлениям литературы и искусства, но и регулятивом репрессивной социальной политики.

Вместе с тем, нужно отметить, что в начале 1920-х гг. понятие «культура рабочего класса» получило любопытное развитие среди теоретиков «трудовой культуры», сплотившихся вокруг организованного в первые же годы советской власти Центрального института труда и в значительной степени идейно связанных с движением Пролеткульта. Создавая «новую науку о труде» А. К. Гастев и А. З. Гольцман насыщали понятие трудовой культуры не только марксистской ортодоксией¹. «Лишь пролетариат, — пишет в “Реорганизации человека” Гольцман, — принялся за культуру человека. Оказалось, что человек — самое дикое животное. Вот кого еще не коснулась рука культуры! Люди выучились выводить породы животных. Культивируют растения... А какая дикая сила человек!.. Он пока — “мотовство природы”, “мешок стихии”»; «Хотя человеческая машина — наиболее совершенная, — коэффициент

1. А. К. Гастев, возглавлявший Центральный институт труда, выдвинул в 1923 г. понятие «трудовых культурных установок», он считал, что культурная революция имеет своей основой формирование новой культуры труда.

ее полезного действия — ничтожный»; «Какая масса сил тратится зря» [Гольцман, 23].

Проблема культуры человека, полагает автор, решается двумя возможными способами. Первый — это отбор. Этим путем шел капитализм, «выбывавшийся из сил, чтобы выудить из массы даровитых и поставить их на ступеньку выше...». «Выхватывая единицы, он оставляет массы в болоте». Социализм же берется за «сплошную переработку колоссальной человеческой массы» (курсив наш. — Ю. А.) [Гольцман, 23]. Прежняя история культуры определяла фазы ее развития «по господствующему классу». «Господствующие классы придавали культуре внешний лоск, создавая философию, право, поэзию, мораль», а культура трудящихся масс «стояла против культуры господ». Но «угнетенные классы всегда имели свой собственный *быт*, труд — свое лицо, хотя и заслоненное для историков подвигами повелителей». Ныне же «в рабочем обществе, должна быть [и] рабочая культура» (курсив А. З. Гольцмана. — Ю. А.) [Гольцман, 13–14].

У Гольцмана рабочая культура — это культура труда. «Только труд ставит вопросы [культуры] во всей их целине» [Гольцман, 14]. В истории человечества сложились две культуры:

Культура труда и культура праздности. Именно последняя вошла в учебники и толстые книги... Первая же владела массами... Она отравлялась дымом культуры праздности, подчинялась созданными ею фетишам, но жила все же отдельной жизнью (курсив наш. — Ю. А.) [Гольцман, 10].

Содержание культуры трудовых масс — *сам труд*. Эта культура

...не может быть продуктом ума. Массы не работают умом: они работают руками. И культура это — их руки. Посмотрите, как массы работают, и вы увидите их культуру [Гольцман, 10].

Для массы, которая работает руками, ее руки становятся культом... *Мышцы становятся господами мира* и провозглашают культуру мышц, культуру работающего тела (курсив наш. — Ю. А.) [Гольцман, 14].

Культура работающего тела — стержень трудовой культуры в понимании теоретиков из Центрального института труда.

«Каждая фаза трудовой культуры дает свой культурный тип, тип культуры труда» [Гольцман, 12]. В теории трудовой культуры Гольцман отвергает ключевую роль «пресловутых духовных

факторов». «Дело не в религии или философии». Словно споря с М. Вебером, он пишет:

Протестант и католик стоят на одной ступени культуры. Но католик-ремесленник и католик-землепашец — люди двух разных миров... У них различные культуры труда, а вследствие этого и разные боги [Гольцман, 10].

Крестьянин и рабочий дают два культурных типа. Один работает с природой:

Встает с солнцем, обедает, когда солнце на зените... Природа хмурится — прекращай работу. Результат работы в деятельности природы. Темп работы — темп процессов природы... Другой встает по гудку... Начало работы, конец ее и перерывы — все по сигналу. Время — по графику; темп работы по координатной системе. Тут не работа зависит от человека, а человек от работы [Гольцман, 10].

Не ограничиваясь типологией и непосредственным содержанием трудовой культуры, Гольцман рассматривает и другие, связанные с этим понятием, аспекты. Трудовая культура детерминирует все мироощущение класса. Вообще — «мироощущение пролетариата» — важная тема в сочинении А. З. Гольцмана, хотя и не развитая в достаточной мере. Автор ограничивается указанием на то, что «снабженный прибором и орудием человек чувствует мир иначе». Расширяются его возможности и ощущение себя в мире. То, чего не может даже представить далекий от труда человек, легко поддается «инструментальному» сознанию рабочего (включая те или иные манипуляции с предметом, способы его перемещения, изменение его формы). Культура — должна быть понята инструментально, как набор орудий, технических средств, приемов.

«Вопросы быта» — «у нас дневка!»

В середине 1920-х гг. произошел значимый сдвиг, связанный с некоторым оттеснением отвлеченного идеологического, а также политпросветительского дискурса о культуре. Середина 1920-х — время существенной конкретизации культурного дискурса. Любопытно, что этот период отмечен и временным оттеснением понятия культуры и заменой его другим понятием, выполнявшим для середины 1920-х едва ли не ключевую роль. Таким понятием

стал «быт». Литература, посвященная быту, борьбе за «новый быт» занимает все большее место. Старое слово, бывшее когда-то важным элементом *славянофильской идеологии*, как подчеркивал в статье, изданной в 1929 г. в Белграде, П. Б. Струве [*Струве, 391–392*], это понятие на какое-то время становится едва ли не знаменем социалистических преобразований. Поначалу это понятие тоже несет на себе черты довольно отвлеченного проектирования новой культуры. Однако во второй половине 1920-х «бытовой дискурс» все более конкретизируется, наполняется содержанием «мелочей быта».

Как и почему понятие «быт» выдвигается в качестве ключевого элемента советского культурного лексикона середины 1920-х гг.? Источники заставляют думать, что это произошло в известной степени стихийно, как ответ на запрос «трудящейся массы». В отличие от многих других понятий слово «быт» появилось в лексиконе партийной печати не в качестве установки съезда или партийного совещания. Впрочем, верно и то, что в привлечении внимания к «быту» большую роль сыграл лично Лев Троцкий и его работа «Вопросы быта» (имеющая характерный подзаголовок «Эпоха культурничества и ее задачи»). Но Троцкий по существу только «подобрал» тему быта, откликнувшись на запрос, «шедший снизу». Тема была инициирована партийными руководителями «низового звена» и Троцкий, с присущим ему искусством партийного пропагандиста, выдвинул ее «на передовую» строительства новой жизни.

Работа «Вопросы быта» появилась в 1923 г., почти сразу двумя изданиями. Предисловие к первому изданию датировано июлем, второе — сентябрем 1923 г. В предисловии изложена история появления «Вопросов быта»: по замечанию Троцкого в партийной библиотеке не хватало брошюры, которая бы «в самой популярной форме связывала бы воедино явления и факты нынешней переходной эпохи...». Чтобы проверить себя, Троцкий собирает совещание «агитаторов массовиков», чтобы обменяться мнениями «по вопросу о способах и литературных средствах нашей пропаганды» (заметим в скобках, что совещание не мыслится, как посвященное вопросам быта, оно связывается с постановкой агитационно-пропагандистской работы). Однако, по признанию организатора, «совещание сразу перешло за границы первоначального замысла». Поднятые на нем *вопросы семьи и быта* совершенно изменили первоначальную (агитационно-пропагандистскую) повестку. «В течение трех заседаний, длившихся в общем десять-двенадцать

часов, были... затронуты и частично освещены различные стороны нынешней переходной жизни рабочих и способы нашего воздействия на *рабочий быт*» [Троцкий 1923, 5–6].

Характерно, что, по словам самого Троцкого, опубликованная им брошюра о быте была первоначально воспринята его соратниками как уводящая от вопросов революции и революционной культуры. Любопытно, что и сам Троцкий называет постановку вопросов быта «дневкой» революционной армии. В предисловии ко второму изданию он пишет:

Некоторые мудрецы пытаются противопоставить культурно-бытовые задачи задачам революционным. Такой подход нельзя назвать иначе как теоретической и политической пошлостью.

И здесь же:

Как ни важно и необходимо наше культурничество, оно целиком еще стоит под знаком европейской и мировой революции. Мы по-прежнему солдаты на походе. У нас дневка. Надо выстирать рубаху, подстричь и причесать волосы и первым делом смазать винтовку. Вся наша нынешняя хозяйственно-культурная работа есть не что иное, как приведение себя в некоторый порядок меж двух боев и походов (курсив наш. — Ю. А.) [Троцкий 1923, 7].

Троцкий характеризовал постановку вопросов быта как «дневку» революционной армии. Но дневка, можно сказать, затянулась. Проблема быта стала самым серьезным испытанием для культурной политики большевиков в 1920-е гг. Открытая в первой трети 1920-х гг., проблема очень быстро наполнялась «тысячами мелочей быта» и конкретных вопросов жизнеустройства, которые нужно было решать не декларативно, а детально и скрупулезно. Это и обустройство быта рабочих (рабочие общежития), и организация питания на производстве и вне его (фабрики-кухни, столовые), а также новый семейный быт, включающий детские сады, обязательную школу, проведение досуга трудящихся, ставка в котором была сделана на клубы, с их КУБами (комиссиями по усовершенствованию быта), новые праздники (что удавалось едва ли не лучше всего остального) и создаваемые тут же формы «советской обрядности» (атеистические и комсомольские свадьбы, бесцерковные похороны и пр.).

Итак, середина 1920-х гг. стала открытием «быта». Сама культура часто фигурирует в это время в числе «элементов быта».

Для части теоретиков именно «быт» становится обобщающей категорией, включающей в себя и «культурную составляющую». В разговорах о быте, регулярно перечисляются вопросы жилища, питания, культурных навыков. Вопросы быта и культурработы (политпросвет) — близкие, но самостоятельные рубрики. Статьи о быте выходят в огромном количестве, и вольно или невольно проблематика переустройства быта оказывает воздействие на культурно-историческое знание. В представлении писавших о быте советских авторов (например, Г. Григорова и С. Шкотова) вопросы изучения быта должны приобрести самостоятельное значение и, более того, составить особую дисциплину...². В отличие от теоретиков труда, теоретики быта не успели воплотить свои начинания столь значительно, не сумели придать дискурсу быта такое же обширное «научно-теоретическое основание».

Уже с 1927 г. термин «культура» возвращается в лексикон «теоретиков нового быта». Но теперь уже это гораздо более конкретное и обогащенное разнообразной бытовой тематикой понятие. Своеобразным синтезом культуры и быта становится концепция «культурности», развитие которой можно проследить со второй половины 1920-х и до середины 1930-х гг. Увлечение «бытом» сыграло важную роль в трансформации представлений о культуре; вопросы быта изменили это представление в сторону не только несколько менее идеологизированного и более конкретного, но и миропонимающего толкования культуры. Сближение культуры с *миропониманием* характерно для одного из обобщающих выступлений на темы культуры Н. К. Крупской. В брошюре «Культура, быт и непрерывка», соединяющей теоретические проблемы с практическими вопросами жизни и быта в условиях *непрерывной рабочей недели*, Крупская пишет:

...Под культурой мы понимаем, как *массы* относятся к окружающему, как они понимают окружающую природу, как понимают то, что делается в общественной жизни. Иначе говоря, *миропонимание масс* входит в понятие культуры [Крупская, 5 и сл.].

2. Симптоматическое совпадение — в 1925 г. выходит сборник статей, посвященный И. М. Гревсу, с характерным названием «Средневековый быт». Исследовательское поле отечественной медиавистики тоже попадает в поле притяжения быта. Получает развитие тема *литературного, писательского быта*.

«Прямо некуда деваться от культуры, будь ей пусто...»

В период, обозначаемый иногда как культурная революция (его границы часто совпадают с первой пятилеткой 1927–1932 гг., хотя правильнее говорить только о конце 1920-х гг.)³, понятие *быт* уступает свое ведущее место понятию *культура*. Стимулы «возвращения» к культуре не столь очевидны и были продиктованы разными обстоятельствами. В их числе и то, что понятие культура снова осознается как всеобъемлющее, включающее в себя не только быт, но и многое другое, особенно актуальное в это время. Объявление и начало реализации программы индустриализации выдвинуло на первое место вопросы трудовой, производственной культуры; между тем категория *быт* традиционно определялась за вычетом этих сфер⁴. Кроме того, с началом 1930-х гг. в лексикон активно вводится то, что связано с политической подкованностью и политической культурой советских граждан. Между тем в тематике быта, хотя быт относился советскими теоретиками к системе категорий «идеологических», вопросы политико-идеологического характера не так выражены.

Говоря о причинах возвращения в конце 1920-х гг. к тематике и дискурсу культуры, можно высказать и другое предположение. С вопросами быта, вообще говоря, связано то, что отвечает вполне житейским потребностям людей, постановка темы быта характеризовала запрос и требование массы, направленные на преобразование *условий жизни*. Это запрос снизу. Быт — это «средовое» понятие, характеризующее материальную среду, условия существования и жизнедеятельности человека. Как заметил П. Б. Струве, быт довольно трудно идеологизируется, но он «косный», «инертный», — и потому так же трудно поддается радикальным переменам. Обращение к этому понятию, как наглядно показывает и советская история середины 1920-х гг., предполагало смещение взгляда плановиков культуры на самые непосредственные нужды людей. Но властный дискурс пытается перенаправить «бытовой запрос», идущий снизу, — требования создания

3. Культурная революция — это понятие входит на авансцену в конце 1920-х в эпоху первого пятилетнего плана (1927–1932). Идеологи «культурной революции» группировались вокруг журнала «Революция и культура», издававшегося с 1927 г.

4. «Что мы разумеем под словом быт?» — спрашивает в самом начале работы «О быте» А. В. Лу-

начарский. «Мы выделяем из всех областей нашего существования *государственную жизнь* и *хозяйственную жизнь*: за вычетом этих двух сфер получаем быт». «Работа у станка, или плугом, относится к сфере хозяйственной работы, но отдых, организация обеденного перерыва — это уже быт» [Луначарский].

соответствующих условий жизни — самому человеку. И понятие культуры этим требованиям властного дискурса отвечает в гораздо большей степени, чем понятие быт. «Неустроенный быт» человеку труднее вменить в вину, чем «отсутствие культуры».

В конце 1920-х, в годы, объявленные советской властью периодом культурной революции, понятия культуры и культурности получили невиданное прежде хождение. «Культура» и «культурность» стали словами, на которых делался особый акцент, они обобщают многие приметы «новой жизни», не столько даже нормы культурного поведения, сколько все переустройство быта, на фоне именно колоссальной бытовой неустроенности. В просторечном обиходе, особенно где-нибудь в деревне, до сих пор нередко можно услышать «культурно так стало, хорошо». Это выражение может употребляться, например, по отношению к новому заборчику, появившемуся на месте старого, совсем завалившегося, или быть сказано по случаю половичка, прикрывшего давно не крашеный пол. Такое бытовое восприятие культурности, повелось, кажется, именно с поры 1920-х.

Именно тогда «культура» и «культурность» стали словами необыкновенно широкого хождения, обиходными, массовыми. Стоит отметить персональную роль Владимира Маяковского. В 1928–1930 гг. культура и культурность стали постоянным маркером не только его статей и выступлений, но и стихов, в особенности, конечно — агиток, которые получили широкое хождение. Стоит напомнить некоторые тексты Маяковского этого периода, включая самые известные (курсив здесь и далее наш. — Ю. А.):

*Культура у нас — не роман да балы /
Не те танцевальные пары /
Мы будем варить и мыть полы, /
Но только совсем не для барынь [Маяковский. Т. 9, 62].*

*«Борьбу за культуру ширь и множь. / Состязайся в культуре
изо дня на день!» — говорит Маяковский в стихах о культурной
спартакиаде [Маяковский. Т. 9, 329]. Но еще более показательны
сейчас уже и довольно прочно забытые тексты Маяковского:*

*Учите курящих и сорящих — будьте культурны:
Собственный сор бросайте в мусорный ящик [Маяковский. Т. 9, 412].*

*Одно из важнейших культурных благ —
Водой кипяченой наполненный бак [Маяковский. Т. 9, 414].*

Товарищи люди, будьте культурны!

На пол не плюйте, а плюйте в урны [Маяковский. Т. 9, 416].

Еще один из актуальных текстов того времени:

Культурная привычка, приобрети ее —

Ходи еженедельно в баню и меняй белье [Маяковский. Т. 10, 188].

Тут же Маяковский отмечает побочные для революционной культурности явления: «В революции культурной / смысл которой общий рост, / многие узрели шкурный, / свой малюсенький вопрос». А в одном из стихотворений устало вздыхает: «*Прямо некуда деваться / от культуры. Будь ей пусто...*» [Маяковский. Т. 9, 145]. Его усталость от упрощений новой культуры едва ли не показательнее всего демонстрирует успехи и достижения в «насаждении» образцов совкультурности 1920-х.

Подводя итог, еще раз отметим, что понятие «культурность» получило широкое распространение и стало повсеместным уже в советской России. Оно приобрело особую значимость не в первые пореволюционные годы (проходившие под знаком довольно общих споров и отвлеченного конструирования «новой культуры»), а в период культурной революции конца 1920-х гг. В это время слово «культура» потеснило широко употреблявшееся в советском лексиконе середины 1920-х понятие «быт». Программа «перестройки быта», игравшая важную роль в практике советского строительства и нацеленная на изменение условий повседневной жизни, — программа, отвечавшая на запрос, шедший «снизу», — столкнулась с серьезными трудностями в ее реализации⁵. Возможно, именно это заставило властный дискурс переформулировать запрос, ориентирующийся на создание соответствующих условий жизни трудящегося, в совокупность требований, адресованных самому трудящемуся. Понятие *культура* и формировавшаяся в конце 1920-х гг. доктрина «*советской культурности*» гораздо лучше отвечали целям «созидания нового человека», чем мало учитывающее сферу труда и политики, «средовое» понятие *быт*.

5. «В 1921 г. Ленин учил, — пишет один из авторов конца 1920-х, — что у нас три главных врага: коммунистическое чванство, взятки и безграмотность. Ильич учил, как бороться с этими врагами.

Можно без преувеличения сказать, что в 1928 г. четвертый главный враг — алкоголизм. *Либо водка опрокинет культурную революцию, либо культурная революция водку победит...*» [Рафаил, 16].

По наблюдениям Вадима Волкова [Волков, 194–213], практики культурности, последовавших за 1920-ми 1930-х гг., были в значительной степени продиктованы индустриализацией страны, они сопровождались кардинальным усилением *дисциплинарного момента* в понимании требований культурности. Хотя:

Культурность никогда не была четко сформулированным понятием, и ни один руководитель партии и правительства не давал прямых установок на тему, как *стать культурным* [Волков, 200],

— тем не менее, некоторые доминанты в понимании культурности, если мы говорим о ней как об идеологической и прагматической конструкции, могут быть отслежены и зафиксированы. Если в середине 1920-х гг. советские практики культурности концентрируются, в основном, вокруг переустройства быта и дисциплинирующий момент в них не является безусловно доминирующим, во всяком случае затрагивает скорее переустройство быта, то в начале тридцатых практики культурности смещаются в новые сферы — связанные с понятием трудовой, а потом — в середине — второй половине 1930-х гг., и политической культуры. Причем та же трудовая культура «читается» здесь уже совсем не так, как у теоретиков ЦИТа, теперь она значительно ближе к тому, что называется «*трудовой дисциплиной*».

Еще в самом начале XX в. один из теоретиков символизма, поэт и мыслитель Вячеслав Иванов высказывал опасения, связанные с тем, что культуру может подменить дрессура. Похоже, что уже в 1920-е гг. эти опасения приобрели куда большие, чем прежде, основания и перспективы.

Источники

1. *Будь строгим* = «Будь строгим, но справедливым...» // Хранить вечно-НГ : [Приложение к Независимой газете]. 2001. 22 июня. № 2.
2. *Бухарин 1927* = Бухарин Н. И. О старинных традициях и современном культурном строительстве // Революция и культура. 1927. № 1. С. 17–22.
3. *Левидов* = Левидов М. Ю. Организованное упрощение культуры // Красная Новь. 1923. Кн. 1. С. 306–307.
4. *Рейснер* = Рейснер М. Старое и новое : Из писем о культуре // Красная новь. 1922. № 2 (6). С. 276–285.

Литература

1. *Анцыферов* = Анцыферов Н. П. Из дум о былом : Воспоминания. М. : Феникс : Культ. инициатива, 1992. 511, [1] с., [16] л.
2. *Базаров В.* = Базаров В. (Руднев) На пути к социализму. Харьков : [Б. и.], 1919. 110 с.
3. *Богданов 1918* = Богданов А. А. Вопросы социализма. [М.] : Кн-во писателей в Москве, 1918. 104 с.
4. *Богданов 2001* = Богданов А. А. Письмо к Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917 г. // Опыт неосознанного поражения : Модели революционной культуры 20-х годов : [Хрестоматия / Сост. Г. А. Белая]. М. : РГГУ, 2001. С. 65–70.
5. *Булгаков 1993а* = Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип // Он же. Сочинения : В 2 т. Т. 2. М. : Наука, 1993. С. 240–271.
6. *Булгаков 1993б* = Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Он же. Сочинения в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1993. С. 286–290.
7. *Бухарин 1988* = Бухарин Н. И. Ленинизм и проблема культурной революции : Речь на траурном заседании памяти В. И. Ленина, 21 января 1928 г. // Он же. Избранные произведения. М. : Политиздат, 1988. С. 368–390.
8. *Виноградов* = Виноградов В. В. История слов : Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / Рос. акад. наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1999. 1138 с.
9. *Волков* = Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.
10. *Григоров, Шкотов* = Григоров Г., Шкотов С. Старый и новый быт. М. ; Л. : Молодая гвардия, 1927.
11. *Гольцман* = Гольцман А. З. Реорганизация человека. Л. : Гос. изд-во, 1925. 53 с.
12. *Крупская* = Крупская Н. К. Культура, быт и непрерывка. [М.] : Работник просвещения, 1930. 16 с.
13. *Луначарский* = Луначарский А. В. О быте. М. : Государственное изд-во, 1927. 82 с.
14. *Маяковский. Т. 9* = Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : В 13 т. Т. 9. М. : ГИХЛ, 1958. 611 с.
15. *Маяковский. Т. 10* = Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : В 13 т. Т. 10. М. : ГИХЛ, 1958. 384 с.
16. *Плаггенборг* = Плаггенборг Ш. Революция и культура : Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб. : Нева, 2000. 414 с.

17. *Плеханов* = Плеханов Г. В. Открытое письмо к петроградским рабочим // Он же. Год на Родине : Полн. собр. статей и речей 1917–1918 гг. : В 2 т. Т. 2. Париж : Povolozky, Sor., 1921. С. 598–600.
18. *Рафаил* = Рафаил М. А. За нового человека. Л. : Прибой, 1928. 64 с.
19. *Розанов* = Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени : Вып. № 1–10 : Собрание сочинений. М. : Республика, 2000. 428 с.
20. *Струве* = Струве П. Б. Дух и быт // Он же. Избранные сочинения. М. : Российская энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 382–408.
21. *Троцкий 1923* = Троцкий Л. Вопросы быта : Эпоха «культурничества» и ее задачи. М. : Красная новь, Главполитпросвет, 1923. 170 с.
22. *Троцкий 1989* = Троцкий Л. Литература и революция. М. : Политиздат, 1991. 400 с.

Список сокращений

РГАСПИ   Российский государственный архив социально-политической истории

Yu. A. Asoyan

Simplifying Culture in an Organized Way? The Concept and Ideologeme of Culturalness in Soviet Russia of the 1920s

The article considers the concept and ideologeme of culturalness in Soviet Russia of the 1920s based on the analysis of thematic patterns of culture in the early Soviet socio-political discourse, journalism and mass everyday life. The author outlines the process of how the categories of culturalness and the dominants in understanding culture as an ideological and pragmatic construct were formed.

KEYWORDS: Soviet Russia of the 1920s, images of culturalness, revolution culture, work culture, everyday culture, political culture.